

Леонид Пронский

ИСТОРИЯ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ

Рождение, взлет и падение

Леонид Пронский

**История демократии в Афинах.
Рождение, взлет и падение**

«Издательские решения»

Пронский Л.

История демократии в Афинах. Рождение, взлет и падение /
Л. Пронский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834059-8

В книге дается новое освещение истории возникновения и развития самой первой демократии, сформировавшейся в свое время в древних Афинах. Критически оцениваются как первоисточники, так и современные трактовки событий этой истории. Для учащихся, студентов, аспирантов и всех интересующихся историей Древней Греции.

ISBN 978-5-44-834059-8

© Пронский Л.
© Издательские решения

Содержание

Предыстория	6
1. Основатели государства в Аттике	7
2. Упразднение царской власти и правление архонтов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

История демократии в Афинах

Рождение, взлет и падение

Леонид Михайлович Пронский

© Леонид Михайлович Пронский, 2016

ISBN 978-5-4483-4059-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бессонница. Гомер. Тугие паруса
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный
Что над Элладой когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер – все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

*Мандельштам О. Э.
Лето 1915*

Предыстория

Все знают, что демократия родилась в Древней Греции и наиболее полного своего развития достигла в Аттике (в Афинах). Но кто и когда ее там установил? Современные историки вслед за Аристотелем считают, что первые шаги к демократии в Афинах сделал в начале VI в. до н.э. выдающийся древний законодатель Солон (640—560 до н.э.), который за это уже при жизни был признан одним из семи первых мудрецов Греции. Однако многие древние писатели утверждали, что самые первые шаги к демократии были сделаны уже легендарным царем Тезеем, основателем государства в Аттике, жившем еще в XIII в. до н.э. (до Троянской войны).

1. Основатели государства в Аттике

В частности, вот что сообщает нам о реформах Тезея выдающийся греко-римский историк Плутарх (45—127 н.э.). «После смерти Эгея он (Тезей) задумал великое, прекрасное дело и соединил аттические общины в один город. Он образовал один город и один народ, между тем как раньше последний был рассеян и только с трудом мог быть собран для совещания об общем благе. Иногда среди него вспыхивали ссоры и кровавые распри. Тесей являлся с советом в каждый дем и в каждый род. Не занимавшие никаких должностей и бедные граждане охотно слушали его, аристократам же он предлагал учредить демократическую республику, лишь бы ему дали начальство над войсками и право блюсти законы; во всем остальном он не желал иметь никаких преимуществ. Одних он убедил, другие же предпочли согласиться добровольно, нежели быть принужденными, так как они боялись его, уже сильной, власти и смелого характера. Тогда он уничтожил отдельные пританеи, Советы и власти, построил один пританей, общий для всех, и здание Совета, на месте нынешнего старого города, назвал город Афинами и учредил общий жертвенный праздник – Панафинеи. Кроме того, он установил праздник Метекии с жертвами, приносимыми до сих пор еще шестнадцатого гекатомбеона»¹.

Таким образом, древние приписывали Тезею, во-первых, само основание **государства** («города», полиса) Афин, подобно тому, как Ромулу приписывали основание Рима; но, во-вторых, они приписывали ему еще и **республиканский** (и даже **демократический**) характер этого государства.

Как это следует понимать?

Во многом, конечно, это были чистые домыслы писателей более позднего времени, которые вольно или невольно переносили в прошлое прядки и нравы, присущие их собственному времени и невозможные в более ранние времена. Особенно сильно этим грешит моралист Плутарх, живший уже в I в. н.э., но не свободный от этого во многом и более ранние (и более объективные) писатели – Аристотель (384—322 до н.э.) и даже Фукидид (460—400 до н.э.) с Геродотом (484—425 до н.э.) – наши основные источники по истории Древней Греции. Но, многое в их сообщениях, несомненно, и не является чистым домыслом и основано на каких-то вполне достоверных преданиях более ранних времен. И поэтому нужно стремиться к тому, чтобы тщательно отделять одно от другого. Руководящей же мыслью в этом анализе должно быть четкое понимание нравов и порядков царившего в древнейшие времена **родового строя**, о которых упомянутые выше писатели имели уже очень смутные представления, что и явилось **основной причиной** заблуждений, путаницы и домыслов в их рассказах.

Наиболее полное и глубокое исследование первоначального родового строя у греков и римлян было дано в работе «Древний город»² выдающегося французского историка Фюстель де Куланжа (1830—1889), на понимании которого мы и будем далее основываться.

Первоначально всякая власть у греков (как и у индоевропейских народов вообще) не могла иметь никакого иного вида, кроме монархического (**единоличная и наследственная** власть). Родовой строй и религия древних ариев считали только **старшего сына** наследником отцовской власти в семье и в роде. Это мы можем видеть и из того, что у греческих богов именно и только Зевс был верховным правителем, а его младшие братья Посейдон и Аид полностью подчинялись Зевсу. Глава рода у греков совмещал религиозную (**верховный жрец** родового культа), политическую (**главнокомандующий родового ополчения**), судебную (**верховный судья**) и экономическую (**верховный распорядитель имуществом рода**)

¹ Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 43.

² Куланж Ф. де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010.

власть над всеми его членами и назывался **царем** («басилевсом»). Власть его имела **божественное** происхождение. Миром правил Зевс, власть которого была абсолютной. И только Зевс мог наделять властью как других богов, так и людей. У Гомера в «Илиаде» Одиссей (сам бывший басилевсом) говорит своим соплеменникам следующее.

«Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».
Перевод Н. Гнедича

Там же Гомер (устаами Одиссея) излагает и краткую историю (и процедуру) передачи царской власти.

«Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Кронида;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргобийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому, предал Фиесту,
Тот, наконец, его Агамемнону в роды оставил...
Перевод Н. Гнедича

Поэтому каждый из греческих родов возводил свое начало к какому-нибудь **полубогу** («герою»), получившему когда-то власть непосредственно от Зевса и передавшему затем ее **старшему сыну** для дальнейшей передачи ее в наследство **в старшей ветви** данного рода. Таким образом, царская власть могла быть только **наследственной**, но никак не выборной.

Первым царем в Афинах (не во всей Аттике) греки считали Кекропса (XVI в. до н.э.), чьи потомки и правили с тех пор в этой местности. При этом сама местность называлась еще Кекропией, а не Афинами. Впоследствии афиняне особенно гордились тем, что Кекропс был **автохтоном**, а не **пришельцем** из Азии, Египта или откуда-либо еще, подобно основателю Фив Кадму, пришедшему из Финикии, основателю Аргоса Пелопсу, пришедшему из Фригии и т. д. Эта автохтонность аттических царей была предметом особой гордости афинян, и даже некоторой спеси. Но во всех других областях Аттики того времени обитали другие аттические роды, имевшие своих царей, и Кекропс был там **лишь одним из них**.

Наследником его в четвертом поколении был знаменитый царь Эрехтей, которому приписывалось **первое объединение** всей Аттики под властью Афин. Для этого ему пришлось покорять прочих басилевсов полуострова силой. Сохранилось предание, что особенно трудным было подчинение Элевсина, во главе которого стоял царь Евмолп (сын Посейдона). Эрехтею пришлось даже принести богам в жертву свою младшую дочь, после чего была одержана победа. Однако объединенные Эрехтеем земли, видимо, были уже объединены ранее между собой в местные родовые союзы – «**фратрии**», – имевшие и свои общие религиозно-политические «столицы». Всего таких столиц (городков) уже тогда в Аттике насчитывалось 12 (священное число) – Кекропия, Элевсин, Декелея, Тетраполис (впоследствии Марафон), Афида, Браврон и др. Эрехтей, воспитанный богиней Афиной, переименовал Кекропию в Афины и сделал культ этой богини единым для всей Аттики. За это потомки почитали Эрехтея как бога и воздвигли ему затем в Афинах один из самых прекрасных храмов.

Разделение Аттики на 4 филы (по три фратрии в каждой) легенда приписывает внукам Эрехтея (одна версия – Пандиону, другая – Иону), после чего афиняне начинают называться еще и **ионийцами** (в противоположность, например, дорийцам, заселившим Пелопоннес).

Это первоначальное деление Аттики стало затем **традиционным** ее делением на долгие годы (и даже столетия). Однако первое объединение Аттики в одно царство оказалось непрочным и, видимо, быстро распалось. Об этом свидетельствует и сама запутанность легенд о наследниках Эрехтея (в них не прослеживается нормальная, наследственная передача власти). В результате сумбурной смены наследников и завоевателей в конце концов правителем Афин оказывается правнук Эрехтея и **приемный сын** его внука Пандиона знаменитый Эгей, при котором Аттика пребывает уже раздробленной, может быть, даже не на отдельные филы, а на отдельные фратрии и даже роды. И поэтому сыну Эгея Тезею (праправнуку Эрехтея) пришлось объединять страну заново. Обычно так и бывает, что великие дела удаются только со второго-третьего раза. А первый блин часто выходит комом.

Объединение («синойкизм») Тезея оказалось более прочным.

Но, объединив всех местных басилевсов под своей властью, Тезей тем самым **высился** над ними в качестве **царя царей** (таким же царем царей является и Агамемнон у Гомера). Тем самым он **умалил** их божественный статус и их высшее достоинство. До этого над каждым из них стоял только Зевс. А теперь над ними возникла еще и власть **царя всей Аттики**. Строго говоря, такая власть не укладывалась в рамки древней доктрины, согласно которой подлинным царем царей мог быть только Зевс и никто иной. Тот же Агамемнон у Гомера признается царем царей только **на время войны** и военного похода к Трое, а после возвращения к мирной жизни он становится таким же, как и все прочие басилевсы, только, может быть, более богатым и потому более могущественным в **материальном** смысле. Но в **политическом** отношении его власть ничем не превосходит власти остальных басилевсов – все они одинаково получили ее от Зевса.

Однако Тезею удалось как-то примирить сознание аттических царьков со своей властью и таким образом создать в Аттике прочную **надродовую** власть, которая и была – в силу этого! – властью **государственной**.

Как же он этого достиг?

Обычно такие объединения в древности совершались **завоевателями**, то есть **насиленно** (как это и пытался сделать до него его прадед Эрехтей), для чего у него оказалось недостаточно **силы**. Но Тезею удалось осуществить синойкизм **мирным** (или почти мирным) путем, в чем заключался, конечно, тот недостаток, что подчиненные им басилевсы были всего лишь **уговорены**, но не покорены (и не истреблены, как это обычно делалось в те времена на Востоке). Поэтому они в любой момент могли и «передумать» и снова развалить государство.

Но, если сами родовые царьки были недовольны ограничением их власти, то их подчиненные сородичи, естественно, должны были воспринимать затею Тезея с большим сочувствием. Власть ближайшего начальника для подчиненных всегда более тягостна, чем власть верховная, которая воспринимается ими не как усиление гнета, а, наоборот, – как ограничение власти их непосредственных начальников. Поэтому Тезей, заинтересованный в поддержке простого народа, должен был дать ему какую-то защиту перед властью родовых басилевсов. Иначе говоря, он, действительно, должен был ввести какие-то **демократические** установления (о чем подробнее будет сказано ниже).

Но, чтобы примирить и басилевсов со своей властью, Тезей должен был пойти на какие-то уступки и перед ними. Именно поэтому, видимо, он и взял на себя добровольное **ограничение** своей царской власти – потребовал себе только право командовать объединенными войсками Аттики и право «блюсти законы», а всю остальную власть – экономическую и религиозную – он **разделил с басилевсами**. Таким образом, именно Тезей, видимо, положил начало знаменитому афинскому **Ареопагу** – постоянно действующему собранию (Совету) родовых басилевсов, разделивших с ним верховную власть (хотя сами афиняне, разумеется, приписывали учреждение Ареопага богине Афине). Сколько басилевсов первоначально было в составе Совета –

неизвестно, возможно, всего 12 (по числу фратрий), а, может быть, там были представлены главы всех отдельных родов (или самых мощных из них). Так или иначе, но их место в Ареопаге было не выборным, а **наследственным и пожизненным**. Право заседать в Ареопаге они получили не от Тезея, а от самого Зевса, сделавшего их наследственной властью в своих родах. Тезей же просто собрал их в единый Совет. И его знаменитый «синойкизм» (дословно: «совместное жительство»), возможно, состоял лишь в том, что он убедил **глав** всех аттических родов – всех бацилевсов – перебраться на постоянное жительство в столицу нового государства – Афины.

Далее, поскольку никакое объединение людей в ту эпоху не могло состояться вне рамок общей религии и **общего культа**, то Тезей и учредил такой общий культ – культ Афины и Панафинейские игры как общее для всей Аттики священнодействие. Поскольку учреждение всего этого легенды приписывают также и Эрехтею, то Тезей, видимо, просто возобновил то, что не вполне удалось при первой попытке объединения Аттики. Город Кекропса он сделал столицей Аттики и переименовал его в Афины.

Итак, Тезей, действительно, создал впервые на территории Аттики **единое государство**. Сегодня считается, что это произошло примерно в 1250 году до н. э. До него там господствовали чисто родовые и межродовые отношения, не имевшие над собой никакой **государственной** власти. Тезей же впервые создал такую власть, и его государство приняло облик **аристократической монархии**. Во главе государства стоял верховный царь, передававший свою власть по наследству, но власть его была ограничена собранием глав всех родов – столь же наследственным и пожизненным Ареопагом. Вхождение глав родов в Ареопаг было **автоматическим**. Возможно также, что уже при Тезее (или при его наследниках) главы объединенных родов отказались от имени царей (бацилевсов) и стали называться просто **эвпатридами** (буквально: «имеющими благих отцов», благородными).

Но, что же **демократического** видели древние в строе Тезея?

«Желая еще более увеличить население города, – пишет Плутарх, – Тесей приглашал селиться в нем всех на равных правах. Крик: „Сюда, все народы!“ приписывают Тесею, желавшему учредить всеобщую республику. Но он не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных („эвпатридов“), землевладельцев („геоморов“) и ремесленников („демиургов“). Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, – благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почету, землевладельцы были полезнее других; ремесленники – многочисленнее. Что он первым принял сторону народа, об этом говорит Аристотель; в доказательство того, что он отменил единовластие, мы можем, кажется, сослаться и на Гомера, который в списке судов флота одних афинян зовет свободным народом»³.

Чтобы лучше понять эти путанные (если не сказать бестолковые) комментарии Плутарха, нужно не упускать из виду порядки царившего тогда в Аттике (как и во всей Греции) **родового строя**, о котором у самого Плутарха уже не осталось четких представлений. Вся земля Аттики тогда принадлежала населявшим ее **родам** (множествам больших и малых семей, объединенных происхождением от **общего предка** (действительного или мнимого), именем которого и величался каждый отдельный род – Алкмеониды, Бутады, Керики, Медонтиды, Филаиды, Эвмолпиды и т. д. Власть в родах передавалась **по наследству**. Во главе родов стояли представители **старшей ветви**, которые **единственно** и считались поначалу эвпатридами.

³ Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 44.

Уже древние писатели плохо понимали это. Аристотель, например, в своей в «Риторике» дает такое определение «благородным». «Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства, – пишет он, – значит быть автохтонами или исконными [обитателями данной страны], иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославившихся тем, что служит предметом соревнования. Для отдельного человека чистокровность происхождения передается как по мужской, так и по женской линии, а также [обуславливается] гражданской полноправностью обоих родителей. Как для целого государства, так и здесь быть благородного происхождения значит иметь своими родоначальниками мужей, прославившихся доблестью, богатством или чем-нибудь другим, что служит предметом уважения, и насчитывать в своем роду много славных мужей и женщин, юношей и стариков»⁴.

Однако Аристотель, живший в IV веке до н.э., дает нам уже «модернизированное» понятие благородства. Хотя богатством кичились друг перед другом уже герои Гомера, но не оно, а их **божественное и наследственное происхождение** делали их благородными, и никак не наоборот. Только во времена Аристотеля греки могли уже смешивать эти источники уважения и почитания людей. Для времен же Тезея необходимыми и достаточными признаками благородства (в Аттике) считались только **автохтонность** рода и принадлежность к его **старшей ветви**. Только эти лица и считались тогда **эвпатридами**⁵. Старший сын старшего сына становился во главе рода автоматически. Поэтому только он мог быть верховным жрецом родового культа, верховным главнокомандующим ополчения рода и верховным распорядителем всего имущества рода (в первую очередь его земель). И только ему полагалась лучшая и большая доля от всех трофеев, включая и завоеванные земли и рабов (эта доля называлась у греков «теменос» и часть ее посвящалась непосредственно богу, которому поклонялся данный род). И поэтому глава рода автоматически становился и **самым богатым** человеком в роду. Никто не мог быть богаче его, поскольку он такой – один. Все же остальные члены рода считались (и назывались) **простыми** сородичами («**геннетами**»).

Войти в состав какого-нибудь рода (а значит – получить право на владение землей) можно было только одним путем – **родившись** от мужчины, принадлежавшего к данному роду. Поэтому Тезей, бросивший клич: «Сюда, все народы!», мог получить в качестве новоприбывших своих подданных только **людей-изгоев**, людей, вырванных откуда-то из своей родовой организации и оказавшихся в Аттике на положении **безродных**, а потому беззащитных, безземельных, окруженных сплоченными коренными жителями, объединенными в мощные родовые коллективы, владевшие землями всей Аттики. Говоря по-современному, Тезей мог получить в лице этих пришлых только тех, кого у нас сегодня называются **иммигрантами** (и гастарбайтерами).

При этом надо полагать, что таких людей в Аттике было уже некоторое множество и до призыва Тезея. Не он впервые принял их в свое царство, но, найдя их уже **в наличии** на своей земле и убедившись в их полезности для страны, Тезей и бросил свой знаменитый клич, желая дальнейшего притока в страну **новых полезных людей**. Сам воспитанный не в Аттике и бывший в стране Эгея тоже **пришельцем** (из Трезены в Арголиде, где жили его мать и дед), Тезей, видимо, во многом был уже лишен архаических родовых предрассудков. Более того, вероятнее всего, он вообще не был родным сыном Эгея, а вся история о его про-

⁴ Аристотель. Риторика // Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 30.

⁵ «Согласно Плутарху, – отмечает Фюстель де Куланж, – в Эпидавре на протяжении долгого времени граждан, то есть тех, кто имел политические права, было не более ста восьмидесяти человек; все остальные были „вне города“. Еще меньше граждан было в Геракле, где младшие члены рода не имели политических прав. Точно так же долгое время было в Книде, Истросе и Массалии. На острове Фера вся власть была сосредоточена в руках нескольких семей, которые считались священными. То же самое было в Аполлонии» (Куланж Ф. де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 255).

исхождении является легендой, сочиненной задним числом для придания легитимности его воцарению в Афинах. Скорее всего, бездетный Эгей (сам бывший **приемным** сыном Пандиона) просто усыновил Тезея и сочинил затем для своих простодушных сородичей красивую сказку о его зачатии во время пребывания в Трезене. В таком случае Тезей вообще должен был сочувствовать всем безродным, поскольку на **собственном примере** видел, что полезность человека для страны не зависит от его происхождения.

Но призванные им люди, стоявшие вне сложившейся в Аттике родовой организации, нуждались в каком-то **покровительстве** со стороны государства. Поэтому Тезей должен был принять какие-то установления, защищавшие этих пришлых от автохтонов, естественно, бывших недовольными «понаехавшими тут». В этом-то, видимо, и состояла **демократическая** сторона реформ Тезея. Он как-то **уравнял** коренных жителей Аттики – автохтонных генетов – с пришлыми (в том числе и призванными им лично). Тем самым он положил начало раннему ослаблению в Аттике порядков (и предрассудков) родового строя. Из дальнейшей истории Афин хорошо видно, что именно этим – ускоренным освобождением от родовых предрассудков и повышенной терпимостью к переселенцам – отличалось это государство от всех окружавших его греческих полисов⁶ и, в особенности, от его исконного соперника – аристократической Спарты (Лакедемона), отличавшейся, наоборот, крайним консерватизмом родовых порядков и нетерпимостью к чужакам.

Конечно, в Аттику того времени переселялись извне не только разрозненные массы людей, утративших связь со своими родовыми коллективами, но и целые сплоченные роды во главе со своими басилевсами. Таким организованным переселенцам там, видимо, предоставляли землю и равные права с автохтонными родами Аттики. Наиболее известным примером здесь может служить знаменитый род **Алкмеонидов**, организованно переселившийся в Аттику с Пелопоннеса под давлением дорийцев и получивший на новой родине родовые земли. Но Алкмеониды, как отмечают древние источники, имели в Аттике лишь сравнительно небольшое количество земель (и не лучшего качества). Несмотря на свою знатность и древность (они возводили свое происхождение к знаменитому Нестору, прославленному в Илиаде Гомера), этот род всегда оставался в Аттике относительно **небогатым землей**, хотя и сильно разбогател впоследствии за счет других источников (если верить Геродоту, – золотом лидийского царя Креза).

Но основная масса переселенцев была, видимо, все-таки **разрозненной массой**, утратившей связь со своими родами. В Риме такие люди назывались **плебеями**, а в Греции они так и не получили какого-то общего названия. Произошло это, видимо, потому, что во многих греческих полисах именно **пришлые** (завоеватели), а не покоренные ими автохтоны стали привилегированным сословием. Так было, в частности, в Лакедемене, где пришедшие с Севера дорийцы захватили господство над автохтонным ахейским населением, которое стало там называться «периэками» (буквально: «живущие около», сожители). Периэки в Спарте, в отличие от полностью поработанных илотов (бывших, возможно, не греками, а пеласгами) были лично свободными, но лишенными политических прав. Однако в Аттике (и некоторых других полисах) лишенными политических прав оказались именно пришлые, а не автохтоны.

⁶ «Еще в старинных преданиях, – отмечает В. П. Бузескул, – Афины славилась тем широким гостеприимством, которое оказывали они пришельцам и чужеземцам. У Софокла слепой Эдип, прибывший вместе с своею дочерью Антигоной в Колон, предместье Афин, ссылается на это: „Афины, говорят, самый богобоязненный город; они одни способны спасти несчастного пришельца, одни в состоянии ему помочь“. У Еврипида гонимые всюду Гераклиды – в пьесе того же имени – находят великодушную защиту только в Афинах, в „стране свободной“, которая считает ужасным позором выдать чужеземцев, молящих о приюте. Говорят, у афинян существовал даже закон, повелевавший будто бы принимать всех желающих из греков, – известие, основывающееся, по-видимому, на недоразумении и вызванное именно тем фактом, что Афины охотно принимали переселявшихся чужеземцев». (Бузескул В. П. История Афинской демократии. С.-Петербург, Типография М. М. Стасюлевича, 1909. С. 213).

Таких пришлых впоследствии в Аттике (и в некоторых других греческих полисах) называли **«метеками»** (буквально: «живущими вместе»). Они были свободными иноплеменниками, поселившимися в Афинах, но не имевшими там полных гражданских прав. Однако во времена Тезея еще не было понятия гражданства и он, можно сказать, впервые и установил (или, скорее, наметил) его именно тем, что предоставил и пришлым какой-то минимум прав **наравне** с исконными обитателями Аттики. Те и другие были объединены под общим **статусом жителей Афин**. (Не в этом ли смысл введенного Тезеем общего праздника Метеккии, о котором упоминает выше Плутарх?). Но геннеты (члены автохтонных родов) при этом, все же, остались **привилегированным** сословием, тогда как безродные пришельцы получали лишь некоторые права (права **свободных**, в отличие от рабов, попадавших в Аттику не по своей воле, а в качестве военнопленных).

Далее мы будем называть их **метеками**.

Впрочем, возможно, Тезей совершил и более радикальную реформу, а именно – совершенно уравнил старожиллов-автохтонов с метеками во всех правах. Аристотель в «Политике» упоминает, что в Лакедемонне «при первых царях... права гражданства давались и негражданам»⁷. Поэтому такое уравнивание в правах вполне могло произойти и в Аттике при Тезее. В таком случае приписывание демократического характера его реформам имело бы под собой еще большие основания. Но, разумеется, подобное уравнивание в правах могло быть тогда только **разовой акцией**, которая само сословие метеков не уничтожало. Те, кто поселялся в Аттике уже после Тезея, по-прежнему получал там статус метеков, а не полноправных граждан.

Удавшееся объединение Аттики в единое государство было лишь одним из множества подвигов Тезея, бывшего, согласно преданию, неугомонным **искателем приключений** (его даже называли «вторым Гераклом»), и, видимо, афиняне унаследовали от него свой беспокойный и авантюрный характер. Фукидид вложил в уста коринфских послов, выступавших перед спартанцами, такое развернутое сравнение характеров двух этих выдающихся народов Греции: «Афиняне любят новшества, быстры на замыслы и на выполнение решенного; ваш же характер состоит в том, чтобы сохранять существующее, не изменять ничего в своих планах и не делать даже самого необходимого. Они предприимчивы свыше своих сил, готовы рисковать там, где нет надежды на успех, и в опасностях никогда не теряют мужества; вы же обычно всегда делаете меньше, чем могли бы, не доверяете даже самым достоверным расчетам, а при опасности уже считаете себя погибшими. Они порывисты в своих действиях, вы, напротив, крайне медлительны. Они любят ездить в чужие земли, ваше же главное желание – оставаться дома. Они полагают, что всякая поездка на чужбину может принести им какую-нибудь выгоду, вы же думаете, что она скорее может нанести ущерб и тому, что у вас есть. Победив своих врагов, они стараются извлечь все возможное из этой победы; побежденные сами, они стараются свести свое поражение к наименьшему ущербу. Отдавая все свое тело на службу отечеству, как не принадлежащее им благо, они стойко оберегают право на свою душу, с тем чтобы лучше служить тому же отечеству. Если какие-либо их планы не удаются, они считают эту неудачу за реальную потерю; все, чего бы они ни добились силой оружия, кажется им недостаточным в сравнении с тем, что предстоит в будущем. Если одна попытка не удалась, они стараются наверстать неудачу новыми затеями. Для них само обладание и надежда на него сливаются вместе благодаря той скорости, с какой их решения приводятся в исполнение. Итак, вся их жизнь протекает в трудах, среди лишений и опасностей. Они мало наслаждаются приобретаемыми благами, потому что они всегда заняты приобретением, потому что для них нет иного праздника, кроме полезного применения своей энергии, и в их глазах покой и праздность являются большим несчастьем, чем жизнь в труде и лишениях. Поэтому если бы кто-нибудь сказал

⁷ Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 430.

просто, что афиняне рождены для того, чтобы не давать покоя ни себе, ни другим, то он нарисовал бы этим верную картину их характера»⁸.

Весь этот одаренный народ, склонный к безудержному новаторству, можно назвать коллективным Тезеем. И вся их великая история представляет собой цепь непрерывных драматических приключений, которым дивилась вся Греция (и удивляется до сих пор весь мир).

Что же произошло в Аттике после Тезея?

⁸ Фукидид. История / Перев. Г. А. Стратановского. – М.: Ладомир; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 41—42.

2. Упразднение царской власти и правление архонтов

Сохранившиеся на этот счет легенды содержат больше причудливого вымысла, чем реальной исторической информации. Тезей якобы вновь отправился в странствия по Греции – продолжать свои знаменитые подвиги, и пережил еще ряд нелепых приключений. Попал в плен, из которого его вызволил Геракл. Потом он вернулся в Афины, но был изгнан оттуда какими-то соперниками и погиб на чужбине.

Наиболее осмысленную и правдоподобную, на наш взгляд, реконструкцию описанных выше событий и последующей истории Аттики до знаменитых реформ Солона дает Фюстель де Куланж. «Древние предания, – пишет он, – на языке последующих поколений выражают примерно следующее: «Тесей изменил форму правления в Афинах с монархической на республиканскую». Об этом говорят Аристотель, Исократ, Демосфен и Плутарх. И это действительно так. Тесей, как говорит предание, «передал верховную власть в руки народа». Только слово народ, сохранившееся в предании, во времена Тесея имело несколько иное значение, нежели во времена Демосфена. Народ, или политический орган, был не чем иным, как аристократией, то есть объединением глав отдельных родов.

Учредивший это собрание Тесей не был добровольным новатором. Помимо его воли созданное объединение изменило форму правления. Как только эвпатриды, сохранившие власть в своих семьях, объединились в одну общину, они образовали могущественное сообщество, имевшее права и способное выдвигать требования. ... Эвпатриды сожалели о настоящей царской власти, которой каждый из них до этого времени обладал на своей земле. Похоже, что эти воины-жрецы, прикрываясь религией, заявили, что уменьшилось влияние местных культов. Если справедливо утверждение Фукидида относительно того, что Тесей пытался уничтожить местные пританеи, то неудивительно, что он восстановил против себя общественное мнение. Нельзя сказать, сколько ему пришлось выдержать столкновений, сколько пришлось подавить восстаний, хитростью или силой, но точно известно, что в конце концов он потерпел поражение, был изгнан из Аттики и умер в изгнании.

Теперь власть была в руках эвпатридов; они не уничтожили царскую власть, но сами выбрали царя – Менесфея⁹. После Менесфея власть опять захватил род Тесея и сохранял ее в течение трех поколений. Затем власть перешла к роду Мелантидов¹⁰. По всей видимости, это был весьма беспокойный период, но не сохранилось никаких точных свидетельств о гражданских войнах того времени.

Смерть Кодра (последнего наследственного и полновластного царя Аттики – *Л.П.*) совпала с окончательной победой эвпатридов. Они и на этот раз не уничтожили царскую власть, поскольку это им запрещала религия, но отняли у царя политическую власть. Путешественник Павсаний, живший намного позже этих событий, но тщательнейшим образом изучивший древние предания, пишет, что в те времена царская власть потеряла большую часть своих прав и «стала зависимой», а это означает, что с этого времени она стала подчиняться сенату эвпатридов. Современные историки называют этот период афинской истории **периодом архонтов** и почти никогда не забывают подчеркнуть, что в то время царская власть уже была уничтожена. Это не совсем верно. Потомки Кодра еще на протяжении тринадцати поколений наследовали от отца к сыну. Они все носили титул архонта, но есть древние документы, в которых их называют царями, а мы уже говорили, что эти титулы полностью тождественны. Таким образом,

⁹ Здесь Фюстель де Куланж противоречит греческим преданиям, согласно которым Менесфей был правнуком Эрехтея (то есть, не выборным, а наследственным царем). Менесфей предводительствовал афинянами в их походе под Трою, где он и погиб.

¹⁰ Этот род прибыл в Аттику с Пелопоннеса, изгнанный оттуда дорийцами.

на протяжении этого длительного периода в Афинах были наследственные цари, но лишённые политической власти и имевшие только жреческие функции. Точно так же, как в Спарте.

По прошествии **трех столетий**, – продолжает Фюстель де Куланж, – эвпатриды сочли, что религиозная власть царя сильнее, чем им бы хотелось. Они решили, что один и тот же человек не может быть облечен этим высоким религиозным саном более десяти лет, однако продолжали считать, что только древний царский род способен исполнять обязанности архонта.

Прошло около **сорока лет**. И вот однажды царская семья осквернила себя преступлением, значит, решил народ, она больше не может выполнять жреческие функции, и впредь архонты не должны избираться из царского рода, а это звание должно стать доступно любому из эвпатридов.

Прошло **еще сорок лет**, и, чтобы еще больше ослабить царскую власть или чтобы разделить ее между большим числом людей, избрание совершалось на годичный срок, и власть поделили между двумя людьми. До этого времени архонт был одновременно царем, а теперь эти титулы разделили. Один магистрат, называвшийся архонтом, и другой, называвшийся царем, разделили между собой права древней религиозной царской власти. Обязанность следить за тем, чтобы не пресекались роды, разрешать или запрещать усыновление, решать вопросы, связанные с завещаниями, недвижимой собственностью, одним словом, решение всех вопросов, в которых была заинтересована религия, возложили на архонта. Обязанность совершать жертвоприношения и выносить решения по делам, связанным с нечестием, оставили за царем. Таким образом, царский титул – священный и необходимый религии – продолжал существовать в городе наряду с жертвоприношениями и национальным культом. Царь и архонт вместе с полемархом и шестью фесмофетами, которые, возможно, существовали с давних пор, были девятью ежегодно избираемыми должностными лицами; было принято называть их девятью архонтами»¹¹.

Изложение Фюстель де Куланжа страдает некоторыми фактическими неточностями, уже исправленными более поздними историками, но оно более верно и точно передает **сам дух** и **саму логику** социально-политических преобразований, происходивших в Аттике в эпоху архонтов.

Итак, древнейшая монархическая власть в Аттике исчезла в XI в. до н.э. вместе с гибелью последнего царя Кодра (в 1068 году до н.э.). Вероятнее всего, его (так же, как и последнего римского царя Тарквиния) погубили сами же эвпатриды, сложившие потом красивую легенду о его героическом самопожертвовании. Легенда эта гласила, что Кодр, получивший оракул о том, что Афины не будут захвачены дорийцами, если погибнет их царь, переоделся в одежду дровосека и пошел в стан врага, где и нашел свою смерть. Дорийцы, действительно, не стали завоевывать Аттику (земли которой были недостаточно плодородными). Но во времена их нашествия из материковой Греции в Аттику хлынули новые волны **беженцев**

¹¹ Куланж Ф. де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 243—244.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.